

ИГРЫ В ПАТРИОТИЗМ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

12 мая 2004

8, 9 и 10 мая с.г. телевизор нас нещадно кормил патриотизмом. И пища была очень и очень некачественной. Целых три выходных дня (с утра и до утра) песни военных лет были отданы на откуп (точнее, на истерзание) попсе. Уму непостижимо, как...

8, 9 и 10 мая с.г. телевизор нас нещадно кормил патриотизмом. И пища была очень и очень некачественной.

Целых три выходных дня (с утра и до утра) песни военных лет были отданы на откуп (точнее, на истерзание) попсе. Уму непостижимо, как наши бедные «звезды» успевали перемещаться с точки на точку, сплошные прямые трансляции, а в одно и то же время — одни и те же лица; казалось, они и сами с собой не пересекаются и сквозь друг друга проходят.

Впрочем, дело, конечно, не в пространственном перемещении. Чей это был великий замысел да и был ли он вообще — один какой-то общий, патриотический, или это — ничего личного, просто бизнес, на потребу дня, чтобы и начальству угодить, и «бабки» хорошие сорвать; но похоже, что хотелось как-то попроще, понезатейливей поиграть в патриотизм: поп-артисты попсо, облегченно (почти что как для дефективных) исполняют военные (1941—1945) песни и с поистине российским размахом покрывают собой все площади, стадионы, проспекты, города, села, всю страну разом. Короче, братание попсы с народом, патриотические пляски, игра количеств за сумерком качеств.

Одно забыли: при играх в патриотизм должно быть качество. С патриотизмом, как и с любым сильным чувством, нельзя завестись просто так, на пустом месте — по чьему-то приказу или аккурат к торжественной дате. Это как нельзя начать мыслить, если уже не мыслил. А свободно включиться можем (в мысль или в тот же патриотизм), только если уже что-то было. И — не потеряно. Что-то должно было длиться, чтобы сейчас случилось.

С песнями военных лет недалеким людям нельзя играть, как детям со спичками. Песня сама по себе не имеет голоса. Она не существует в одной лишь мелодии. И

не изъясняется просто словами. Песня жива только в исполнении. И остается — исключительно в результате исполнительского порыва.

С исполнительским порывом (в смысле качества) у попсы — страшная беда. Никак понять не могут эти люди, что чувства ощущаются, испытываются, а не изображаются кривлянием. Вся попса отметилась в эти дни, и все (за редкими исключениями — Александра Маршала, Тани Булановой и еще, может быть, двух-трех человек) не пели военные песни, а портили их, ни капли не вникая в смысл, преступно путая слова, до неузнаваемости искажая мелодии. Эти песни попсой не были поняты и не были пережиты.

Жалко, неловко, кривляясь, дергаясь, не приходя в сознание, без искренности, без чувств, как что-то абсолютно себе чужое, очередной «пустой кадр» изображал песни Марка Бернеса, и казалось, что вот-вот кто-то по отдельности (или все вместе) не выдержит и завопит отчаянно: не виноват(а) я, не хотел(а), заставили, соцзаказ...

Судорожно и суетно соединяя несоединимое, превращая народный праздник 9 Мая в праздник номенклатурный, в праздник каких-то практических целей, насаждая патриотизм сверху, без таланта, без чувств, мы не получаем ничего, кроме скуки и пошлости. А на всем этом зыбком («песок сыпучий»!) нельзя ничего основать. Патриотические чувства — тем более!

Кстати, совершенно непонятно, к чему было так мучать попсу, заставляя ее петь песни Марка Бернеса, и ни разу (!) за эти дни не включить запись с самим Бернесом. Только НТВ 9 Мая (и то как-то стыдливо, в 6.45 утра) показало фильм «Два бойца».

Так что: поздно, братцы, пить «Боржоми», когда почки отвалились? Порванная нить жизни?

Слава богу, не все так безнадежно.

9 Мая РТР дважды показало концерт Дмитрия Хворостовского «Песни военных лет». (Второй раз из-за теракта в Чечне, отменив «Аншлаг».)

Все переменялось в одно мгновение, как только появился на сцене этот наш соотечественник, живущий ныне за рубежом. Сибирский баритон, покоровший весь мир, пел серьезно и просто, свободно и осмысленно. Это были и песни, и — со-общение. И про тогда, и про сейчас.

Хворостовский пел — а мы чувствовали чувствами, ощущали ощущениями. Контакт с реальностью и ток коммуникаций вновь завязывались в некоей точке.

Что-то оживало. Что-то, что отсутствует во внешнем пространстве наблюдения, но продолжено в нас.

Никто никому не присылает истину по почте. Все внутренне значительное происходит, когда мы «обшариваем фонариком» именно свои глубины, читаем себя. Естественно, если есть что в себе обшаривать и есть что читать.

Концерт военных песен Дмитрий Хворостовский впервые дал в прошлом году. Ему ничто не помешало — ни официальный Кремлевский дворец, ни громадная сцена, ни микрофон в руках оперного певца, ни повтор записи через год.

В одном из интервью Хворостовский признавался: «Программа военных песен сложилась мгновенно. Я по памяти составил ее из ста песен, потом пришлось сокращать. Я впитал их с детства, рос на них, воспитывался — это наследство от бабушки, деда-фронтовика, от моих родителей. В своей программе я попытался лишь коснуться этой исключительной для меня темы. Я считаю военные темы классикой, это настоящая, талантливо написанная музыка. Неслучайно родители моей жены Флоранс плакали на концерте, хотя не знают русского языка».

Плакали на концерте Хворостовского не только родители его жены — полутальянки, полуфранцуженки. Плакал весь зал. И я давно не видела (в огромных концертных залах, а не по отдельности) таких прекрасных лиц. Молодые люди, старые, совсем дети. Лица были такие значительные, что оператор, чувствовалось, не знал, кого снимать больше — самого Хворостовского или людей из зала. (Как все отличалось от гогочущей аудитории «Аншлага».)

Сами наши популярные артисты на концерте Дмитрия Хворостовского замечены не были. (Наверное, в то же время те же песни «спивали».) В первом ряду сидели только Николай Басков и Олег Газманов. Они постоянно вскакивали и аплодировали стоя. И, может быть, гадали: где он, Хворостовский, берет ту радостную и движущую искру, которая позволяет ему ТАК работать и будить в людях ТАКИЕ высокие и сильные патриотические чувства.